

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕНТИТЕТ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ЛИТВЫ

Исследуются взгляды литовских ученых на проблему национальной культуры в ситуации глобализации, цивилизационного и этнокультурного пограничья. Выявляются уровни анализа литовского идентитета и направления социально-культурологического дискурса по поводу его динамики и перспектив.

Данная статья является третьей и последней из цикла статей, посвященных особенностям исследовательских позиций по отношению к белорусско-польско-литовскому пограничью. Две предыдущие статьи опубликованы в номерах 7 и 8 “Вестника Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў”.

Глобализационные процессы и их последствия, особенно в отношении национальных культур, оказываются сегодня в фокусе исследовательской проблематики. Феномен “мировой деревни” как непосредственный, ощутимый и неизбежный результат глобализации ведет к кардинальным изменениям в культурном облике народов и во многих отношениях проблематизирует их будущее. В результате структурных изменений в современных трансформирующихся обществах происходит “распад на отдельные фрагменты классовых, гендерных, сексуальных, этнических и расовых культурных ландшафтов, которые обеспечивали нам как социальным индивидам прочную локализацию. Эти трансформации также ведут к сдвигам в нашем индивидуальном идентитете, подрывая наше ощущение себя как целостных субъектов” [5, с. 596–597]. Отмеченная универсальная тенденция, в которой органически взаимосвязаны трансформации национальной культуры и идентитета, специфическим образом проявляется в различных странах и регионах, в том числе и в современной Литве.

Проблематика, связанная с изучением идентитета литовского народа, является одним из приоритетных направлений гуманитарных исследований в стране, о чем свидетельствуют не только многочисленные публикации (А.Андрияускас, Г.Береснявичюс, В.Берянис, Р.Григас, В.Савукинас, А.Самалавичюс, А.Савицка и др.), но и институализация самого этого направления. Наличие в структуре Института культуры, философии и искусства как ведущего учреждения Литвы в области гуманитарных исследований сектора литовского идентитета служит этому достаточным подтверждением. Подчеркивая приоритетный характер тематики, связанной с национальным идентитетом, А.Самалавичюс отмечает следующее: “Не вызывает удивления, что в течение последних лет вопросы национального идентитета обсуждаются открыто и остро как в академических кругах, так и в общественном дискурсе. Следует добавить, что быстрая экспансия глобализации и проникновение глобальных сил в локальные сообщества и их рынки порождают чувство небезопасности, страха и разочарования во многих регионах мира” [8, с. 9]. Литва, ставшая частью объединенной Европы, не является исключением.

Некоторые аспекты исследования литовскими учеными этнокультурных процессов, сфокусированные на пограничной проблематике, отражены в отечественной печати [14]. Предметом настоящей статьи является рефлексия над проблемой более общего порядка, связанной с самим феноменом национального идентитета и теми ее интерпретациями, общим контекстом которых являются глобализационные процессы и которые составляют содержание научного дискурса в современной литовской гуманистике.

В дискурсе по проблеме национальной культуры и идентитета в ситуации глобализирующегося мира достаточно отчетливо вырисовываются следующие аспекты. В рамках первого аспекта дискутируется влияние глобализационных и трансформационных процессов в отношении национальной культуры. Второй аспект связан с определением качественных параметров современного литовского идентитета и его изменений. Третий аспект выявляет направления поиска национального идентитета, адекватного реалиям, в которых находится современное литовское общество. В дискурсе по каждому из обозначенных аспектов артикулируются различные, подчас диаметрально противоположные подходы.

Анализ этих подходов интересен хотя бы уже в том отношении, что они представлены в подавляющем большинстве в публикациях на литовском языке и поэтому в меньшей мере известны русскоязычному

читателю. Вместе с тем эти подходы отражают особенности этнокультурной ситуации в Литовской Республике, переживающей период транзитивности, основаны на серьезном методологическом фундаменте и обширной базе эмпирических данных и представляются значимыми для других стран.

Общей предпосылкой анализа литовскими учеными проблемы воздействия глобализации на культурные процессы является признание того факта, что подобное воздействие не только имеет место, но является слишком серьезным, чтобы его игнорировать. А. Самалавичюс в этой связи пишет: «Исследователи современных глобальных сил и взаимодействий в основном согласны с тем, что невозможно более игнорировать фундаментальные процессы глобализации, действующие в современном мире и связанные с рыночными отношениями, экономическими, политическими и культурными взаимодействиями» [8, с. 8]. Особенность ситуации, в которой оказалась литовская культура, заключается в том, что в силу политических обстоятельств ее встреча с глобальными процессами произошла внезапно и стремительно. Восстановив независимость в 1990 г., в 2004 г. Литва стала членом Евросоюза и, в отличие от западных стран, вошла в глобализирующийся мир за короткий промежуток времени. Ситуация осложнилась тем, что, будучи небольшим государством, Литва оказалась обремененной грузом экономических и социальных проблем транзитивного периода. Новая геополитическая ситуация, в которой литовское общество вынуждено адаптироваться и найти свое место, не могла не породить в нем озабоченности и тревоги по поводу перспектив и судеб национальной культуры. Это состояние массового сознания нашло теоретическое выражение в «апокалиптическом дискурсе».

Теоретической основой «апокалиптического дискурса» являются разработанные в западной социологии модели воздействия глобализации на национальные культуры и ее последствий. Таковыми моделями являются «вестернизация», «гибридизация» (и «креолизация» как ее разновидность), «плюралистическая модель». Вестернизация рассматривается как культурный продукт западного капитализма и интерпретируется, вслед за Г. Шиллером, как «западный культурный империализм». Вестернизация и культурный империализм как ее механизм представляют собой «процессы, которые способствуют встраиванию общества в современную мировую систему» [12, с. 9]. Итогом реализации первой модели является гомогенизация культуры, как правило, по американскому типу (описанная Дж. Ритцером «макдональдизация» культуры и т.п.). Во втором случае межкультурные взаимодействия порождают разного рода «гибридные» формы и конфигурации культуры [6]. В обоих случаях неизбежна деформация национальной культуры, особенно небольшого народа. Что касается предложенной З. Бауманом модели «культурного плюрализма», она предполагает партнерские отношения между культурами [1]. Их установление возможно лишь в условиях культурной, а вместе с тем экономической и политической полицентричности мира, что в условиях разномасштабности народов и их культур и их разноразностного вхождения в глобальное сообщество представляется проблематичным.

«Негативные» модели глобализации подкрепляются в «апокалиптическом дискурсе» аргументами о «слабости» национальной культуры и идентитета литовского народа как результате «утраты генетической элиты литовского общества, равно как и быстрого роста городов и индустрии», разрушивших крестьянский в своей основе литовский образ жизни [4, с. 33]. Эти процессы привели к деформации национального самосознания, связанного с традиционной этнической культурой и ее символами. В результате национальный идентитет оказывается «раненым идентитетом» (метафора Б. Кузмицкаса) [3, с. 50], бессильным против вторжения западных форм и течений массовой европеизированной и американизированной культуры в литовское общество. При этом акцентируются неизбежные негативные последствия нарастающего литовско-английского билингвизма для литовского языка как носителя и выразителя национальной культуры и ее ценностей. «Наше общество, – пишут В. Рудайтене и Е. Рачене, – долго находившееся под воздействием русификации, прикрытой понятием двуязычия, не в состоянии сопротивляться влиянию других языков. Все чаще утрачивается дух родного языка, и мы перестали осознавать различие своего и чужого». Результатом стало не критическое восприятие западной культуры, что лишь показывает, «как мы слабы в столкновении с чужой культурой» [7, с. 62]. Ключевой в этой аргументации является «традиционалистская» концепция национальной культуры и национального идентитета, основанная на их интерпретации как феноменов, имеющих этническое содержание, сложившихся исторически и выражающих уникальность литовского образа жизни. В этой связи любые культурные трансформации, ведущие к разрушению этнического, традиционного, патриархального начал национальной культуры, воспринимаются как крах национальной культуры как таковой.

Аргументация оппонентов «традиционалистского» подхода к литовской культуре и ее «апокалипсиса», не отрицающих возможных негативных последствий глобализации, исходит из принципиально иного

понимания национальной культуры как таковой. Национальное самосознание литовцев нельзя квалифицировать как однородное явление и, тем более, редуцировать его к традиционному, этническому идентитету. “Постколониальная методология” ориентирует на дифференцированный подход к идентитету, в котором переплетаются различные компоненты и которые невозможно оценивать в однозначных категориях силы или слабости.

Что касается собственно этнической культуры, то, несмотря на уход в прошлое традиционного для литовцев патриархального крестьянского уклада жизни, она никогда не умирала. Бережное отношение литовцев к своему фольклору, традициям, интерес к национальной мифологии, поиски и реконструкции языческих культурных субстратов в советское время общеизвестны. “Опыт постсоветской независимой Литвы подтверждает мысль о том, что элементы традиционной национальной культуры, народные обычаи, традиции и т.п. были очень важны в период зависимости, когда они составляли часть национальной гордости, вместе с мифологией и сохранением традиций, составляя основу национальной идентичности” [8, с. 12]. Однако они утратили первоначальное значение в новых политических и социальных обстоятельствах. Вместе с тем, полагает А. Самалавичюс, трудно согласиться с тем, что “поток массовой культуры разрушает коллективную идентичность, поскольку некоторые формы массовой культуры, хотя и с несколько иным содержанием, процветали в советском обществе, как и на Западе” [8, с. 12]. В сложившейся ситуации глобализация и евроинтеграция открывают перед литовским обществом возможность нового культурного самоопределения, и такое самоопределение должно произойти не на традиционной этнической основе, но на иных, адекватных современным реалиям принципах. Всякие попытки взгляда на литовскую идентичность сквозь призму старой культурной идеологии, которая была сконструирована в националистическом климате первой половины XX ст., без учета сложного и противоречивого характера современного мира представляется шагом назад. Вместо того, чтобы служить средством нового взгляда на современную культурную и национальную идентичность, такая позиция превращается в оковы, держащие литовское общество за прошлое. Проект реконструкции литовского национального идентитета, полагают его оппоненты, не имеет будущего, поскольку единственный путь, обозначенный таким проектом, есть путь в прошлое. В современных условиях связывать национальную идентификацию только с языковым фактором также не правомерно [9, с. 18]. Поскольку национальный идентитет представляет собой постоянно обновляющийся феномен, именно евроинтеграция призвана помочь литовцам понять, кем они являются в действительности и что отличает их от других народов.

Второй аспект исследования национального идентитета связан с определением его качественных характеристик. Хотя реальность далека от апокалиптических прогнозов, тем не менее она не так проста и однозначна. Исследователи этой проблемы исходят из понимания идентитета как многоуровневого феномена, в котором национальное оказывается органически связанным с этническим, локальным, а в связи со вступлением страны в структуры Евросоюза с общеевропейским и мировым. Эти параметры находятся в динамике, которая обусловлена изменяющимся социально-культурным и политическим контекстом. Социологические исследования и проводимые Евробарометром мониторинги фиксируют существенные изменения литовского идентитета, обусловленные процессами глобализации и вестернизации на протяжении последнего десятилетия. Эти изменения проявляются, во-первых, в росте локального самосознания (в 1990 г. локальная идентификация доминировала у 25,4% респондентов, в 1999 г. – у 51,4%); во-вторых, в относительном падении престижа национального идентитета (испытывали гордость, живя в Литве, в 1990 г. 41,2%, в 1999 г. 21,7% респондентов) [11, с. 23–24]. Что касается идентификации с европейским культурно-политическим пространством, то она доминирует пока у незначительной прослойки литовского общества, преимущественно молодого возраста (3,8%). А. Савицка комментирует эту особенность следующим образом: “Чем люди моложе, образованнее, профессионально более подготовлены и состоятельны, тем в большей мере они подвержены глобализационным воздействиям и тем более широким оказывается пространство, с которым они себя идентифицируют” [10, с. 130].

Известное падение престижа национального идентитета кроется не только в сложностях переходного периода, в результате чего многие граждане Литвы утрачивают доверие к национальному государству и его институтам. Говоря шире, оказались исчерпанными “старые источники литовского идентитета, которые оказывают все меньшее воздействие на новое поколение. Если старшее поколение некогда гордилось литовским языком и литовской историей, прошлыми источниками литовской идентичности, молодое поколение предпочитает новые символы: оно гордится баскетболом” [11, с. 25].

Итак, проблема конструирования нового национального идентитета, его содержания и символов оказывается реальной и открытой. Те литовские философы и культурологи, которые видят в евроинтеграции

и открытости миру возможность реконструкции национального идентитета, утверждают, что традиционный национальный литовский идентитет утерян и нет надежды на его восстановление как ушедшего в прошлое наследия. Возникает вопрос: какие символы должны обеспечить и стимулировать идентитет в новых геополитических условиях? Литовская философия и культурология не только ставят проблему конструирования национального идентитета, но и предлагают интересные подходы к ее решению. В рамках одной статьи не представляется возможным рассмотрение всех подходов, поэтому мы остановимся на одном из них, что составляет третий аспект обсуждаемого предмета.

В.Савукинас, обосновывая подход к конструированию современного национального идентитета, исходит из следующих теоретических посылок. Национальный идентитет как конструкт всегда связан с совокупностью аксиологически значимых символов, образующих пространство национальной культуры. Вместе с тем культурное пространство есть единство центра и периферии. В этом отношении для Литвы, бывшей в известном смысле одним из культурных центров советского пространства и ставшей периферийной областью культурного пространства Европы, смена идентификационных символов оказывается неизбежной. Один из вариантов смены национальных символов видится в их “реинтерпретации” [11, с. 26].

В этой связи в современном литовском дискурсе утверждается мысль о возможности реинтерпретации негативных по отношению к литовской культуре символов, которые существовали либо существуют в Западной Европе при изменении их ценностного содержания. В качестве примера подобной реинтерпретации (по отношению к XIX веку) В.Савукинас приводит символ леса. Посредством этого символа в сознании “просвещенного” западного европейца презентировалась далекая, таинственная и “дикая” Литва. Достаточно вспомнить повесть Мериме “Локис”, где образ леса выступает в качестве всеобъемлющего символа, с которым оказывается связанным все литовское, темное и иррациональное и поэтому негативное с позиций тогдашнего европейского рационализма. Однако в том же XIX веке символ леса вводится в литовскую художественную культуру (симфоническая поэма М.К.Чюрлениса “Лес”, поэма “Аникшайский бор” А.Баранаускаса и др.), но с противоположным, позитивным аксиологическим содержанием. Лес – источник силы, воплощение великого прошлого литовского народа. Вырубленный лес становится символом утраты национального достоинства. В поэме “Аникшайский бор” есть характерные строки: “Где ж бора красота, священная, резная? Кто вырубил леса? – Никто уже не знает. Ягелло, может быть, их вырубил при жизни, чтоб отучить Литву служить богам в отчизне” [13].

Такая реинтерпретация символов осуществлялась совершенно осознанно и целенаправленно. Посредством этой процедуры происходило конструирование собственного позитивного имиджа литовского народа и его национального идентитета в прошлом. Возможности подобной реинтерпретации представляются литовским философам продуктивными в современных условиях. Г.Бересневичюс в книге “Создание империи” показывает, как может трансформироваться негативно значимый в рамках культурной дихотомии “центр – периферия” символ-мифологема “варвар”. Он пишет следующее: “Мы должны быть свободными от каких-либо сдерживающих начал, получив доступ в Европу, и не должны позволить проникнуть в наше сознание чувствам подчиненности или собственной незначительности. Мы варвары, стоящие у открытых ворот Рима, и призваны, чтобы овладеть им, поскольку внутренняя слабость и раздоры в его верхах скрыты под сияющей оболочкой. Лишь варвары могут вдохнуть новую жизнь в Римскую империю. Вопрос лишь в том, кто они – мы или мавры. Но мы ближе к европейским корням, ибо мы тех же корней. И в то же время мы с севера, который всегда был источником жизненной силы, в которой нуждалась Европа” [2, с. 67]. Подобная апелляция к мифологеме варварства как символу культурной периферии и его реинтерпретация на основе исторического прецедента позволяют выявить в нем не только позитивное аксиологическое содержание, но использовать в качестве проекта в процессе конструирования нового национального идентитета.

1. *Bauman, Z. Globalization: The Human Consequence / Z.Bauman. – London: Polity Press, 2000.*

2. *Beresnevičius, G. Imperijos darymas: Lietuviškos ideologijos metmenys / G.Beresnevičius. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2003.*

3. *Kuzmickas, B.* Injured identity of the nation. Changes of identity in modern Lithuania / B.Kuzmickas // M.Naljunaitė (ed.). – Vilnius: Lithuanian Institute of Philosophy and Sociology, 1996. – P. 50–61.
4. *Grigas, R.* Lietuviai nūdienos pasaulio akiwaizdoje: išbandimų kaina / R.Grigas // Lietuvių tauta ir pasaulis. – T. 1. – Kaunas: UAB Gabija, 2000.
5. *Hall, S.* The Question of Cultural Identity / S.Hall, D.Held, D.Hubert, K.Thompson (ed.) // Modernity: An Introduction to Modern Societies / S.Hall, D.Held, D.Hubert, K.Thompson (ed.). – Cambridge, MA: Blackwell Publishers Inc., 1995. – P. 595–664.
6. *Hannerz, U.* Cultural Complexity / U.Hannerz. – New York: Columbia University Press, 1992.
7. *Rudaitienė, V.* Kultūros transformacijos procesai Vidurio Europos šalyse / V.Rudaitienė, E.Račienė // Kultūros barai. – 2001. – № 5. – P. 59–65.
8. *Samalavičius, A.* National identity, culture and globalization / A.Samalavičius // Post-Communist Lithuania: Culture in Transition / S.Junkevičius (ed.). – Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2005. – P. 8–15.
9. *Samalavičius, A.* Globalizacija, nacionalinė kultūra ir tapatumas / A.Samalavičius // Kultūrologija: Kultūriniai tapatumai ir pokyčiai. – 10 tomas / Sudaryt. Vytautas Berenys. – Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2003. – P. 10–20.
10. *Savicka, A.* Postmaterialism and Globalisation: The Specificity of Value Change in the Post-Communist Milieu / A.Savicka. – Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2004.
11. *Savukinas, V.* Lithuania and Europe: Opportunities to reconstruct identity / V.Savukinas // Post-Communist Lithuania: Culture in Transition / S.Junkevičius (ed.). – Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2005. – P. 16–29.
12. *Schiller, H.I.* Communication and Cultural Domination / H.E.Shiller. – New York: M.E.Sharpe, 1976.
13. *Баранаускас, А.* Аникщайский бор / А.Баранаускас; пер. с литовского Н.Тихонова. – Вильнюс: Вага, 1976.
14. *Беспамятных, Н.Н.* Этнокультурное пограничье, глобализация, идентитет: взгляд с литовской стороны / Н.Н.Беспамятных // Системная трансформация общества: исторический опыт и современность: сб. науч. трудов кафедр социально-гуманитарных наук. – Брест: Брест. гос. техн. ун-т, 2006. – Вып. 3. – 2006. – С. 109–114.